

Римма ДЫШАЛЕНКОВА

Фасонный профиль Виктора Сергеева

Фасон — слово французское, означает вид, манеры, модель, образец. Фасонный — сделанный по определенному фасону, образцу, чертежу...

— Да не люблю я твоих металлургов, — сказал однажды в запальчивости наш городской актер.

— За что же ты их не любишь?

— Они мой театр не любят...

— Как это не любят, — удивляюсь я, — они всех любят...

Вот и обозначился первый штрих к профилю металлурга: оказывается, он «обязан» всех любить.

И правда, меня всегда утешала эстетическая щедрость моих знакомых металлургов. Давным-давно, может быть в 1979 году, молодой журналист, воспитанник МГУ доказывал мне, что Пушкин никакой не поэт, а просто большой графоман. Я приехала в доменный цех по своим делам. Старший горновой Винер Васильев заметил, что я расстроена именно из-за этого Пушкина. Он рассмеялся из-под своей огнеупорной шляпы: «Нашла из-за чего расстраиваться. Да Пушкину только за одни сказки надо памятник поставить!»

В сортопрокатном цехе всю жизнь работает мой хороший знакомый Виктор Сергеев. Мы подружались в молодости, когда были соседями в коммунальной квартире. Он тогда только что пришел из армии, женился на своей любимой Алене и пришел работать на стан «500» резчиком металла. Так вот, об эстетической щедрости металлурга...

Мы с Аленой работали на цементном заводе, были такие запыленные, неприметные провинциальные барышни, однако устраивали дома театр для детей и родственников, выступали друг перед другом, а Виктор называл нас именами модных тогда мировых актрис: Алена, ты у меня Бриджит Бардо, а ты, Римма, — София Лорен...

И вот теперь жалуюсь я Виктору и Алене Сергеевым: «Понимаете, я переехала в новую квартиру, натаскалась с ящиками, книгами, занималась ремонтом, радовалась гостям. Приходили ко мне и молодые поэты, поэтики, поели, поговорили, а потом один из них и говорит: «Римма Андрияновна, что вы тут из себя Анну-то Ахматову строите...» И так мне обидно стало от этой жестокости...»

А Виктор Сергеев рассмеялся почти так же, как и доменщик Винер Васильев в свое время: «Не знаю, как с Анной Ахматовой быть, но для меня ты всю жизнь София Лорен, не расстраивайся. Да ведь и поэт твой, наверно, не Пушкин».

Красавица Алена усмешливо добавила: «Смешные к тебе приходят поэты. Хорошо, если они останутся в памяти людей одной или двумя строчками. А так-то что ж, я тоже могу стихи написать...»

Я всегда удивлялась, откуда у металлургов этот «невозмутимый» оптимизм, обязывающий верить, что как бы ни пошли дела, все кончится благополучно, «все будет хорошо». Как известно из Библии, это любимое слово Бога — он все говаривал: «И это хорошо».

Может быть, их оптимизм от того, что они не делают лишних движений? Может быть, это от культуры технологий? Разве они меньше знают об ужасе мира? Разве они не знакомы с теорией катастроф? Они, которые знают, как «ползет» металл от «усталости», как страшны аварии, какие спектакли разворачиваются вокруг металла... Разве они менее честолюбивы, чем актеры? Разве они меньше «психуют», чем писатели, художники? Однако металлург, во всяком случае мой знакомый Виктор Сергеев, — это тот человек, который способен раньше других себе сказать: «Ну все, хватит психовать, надо дело делать»...

Старший мастер стана «500» Вячеслав Иванович Арцибашев бережно показывает мне новый сорт фасонного литья: «Мы рискнули освоить это три года назад. Это — шахтная стойка. Вот от нее жизнь шахтеров зависит. Раньше эти стойки молотом кузнецы ковали». Я цепляюсь за слово «рискнули». С 1934 года стан «500» рискует выдавать сложный профиль металлических изделий: круглое железо, квадрат, уголок, швеллер, фигурные изделия, для которых должны перестраиваться калибры стана. Такое впечатление, что здесь создавались и создаются ребра и хребты нашей цивилизации. Из всего этого монтируется крепь человеческой безопасности: в шахтах, где потрескивает корка планеты, в море, где потрескивает корпус корабля под натиском штормов, в поле и в пустыне, в горах и небесах безмолвно держит на себе наши неженские, пузатенькие фигурки металлическая крепь. Я с уважением и страхом разглядываю шахтную стойку: «Не дай Бог, если она рухнет!»

— Надо вовремя менять, — улыбаясь, говорит обаятельный Вячеслав Иванович Арцибашев.

— А если во время не менять, то и начинает действовать «теория катастроф», — думаю я сама себе.

«Мой» Виктор Сергеев работает во второй бригаде. Он теперь уже старший резчик и профорг бригады. А старшим вальцовщиком в этой бригаде Владимир Буланов. Всего металлургов в бригаде Буланова 19 человек, и все они по итогам 1996 года стали лауреатами премии имени Григория Ивановича Носова.

Сортопрокатный считается тяжелым цехом. Тяжел он потому, что горячие изделия «дышат» в лицо металлурга нестерпимым жаром, тяжел потому, что горячие изделия тяжелы по форме и по весу — их все-таки приходится поправлять и направлять вручную, если вдруг остановится стан, ножницы или рольганги, тяжел из-за «изысканного» фасонного профиля изделий, требующего частой смены калибров и тяжелых ножей для резки металла. Вот они и держатся бригадой, чтобы не ошибиться и не ушибиться: старшие вальцовщики Анатолий Хлоповских, Сантимир Хазгалеев, Владимир Буланов, Евгений Бобраков, молодые вальцовщики Артем Шинкаренко, Геннадий Савкин, старшие резчики Виктор Сергеев, Владимир Федотов, Игорь Новиков, Сергей Щуцкий. В бригаде две женщины: оператор Валентина Абакумова и крановщица Раиса Макарова. «Наши девочки», — так ласково зовут их металлурги.

Для того, чтобы металлурги могли зарабатывать побольше денег, на заводе создан ремонтный фонд механиков. И, например, старший резчик Виктор Сергеев, чтобы купить сережки своей Аленушке или дочке Тане, может в свой выходной день выйти в цех, поработать слесарем на ремонтных службах и получить за это оплату.

В новые времена частного предпринимательства много металлургов сменили профессию — ушли с завода в торговлю в ларьках и в другие услуги, но многие и вернулись. Все-таки малый бизнес пока еще не имеет культурной технологии, опасен и безнравственен (мягко говоря). То ларьки поджигают, то долги свешивают на одного... В цехах металлургического комбината больше ответственности и дисциплины, что в конце концов служит охране человека от невзгод. Вот, кстати, о невзгодах: прокатчик Виктор Сергеев родился в МОСе, т. е. в Молочном-овощном совхозе ММК в отцовском доме, всего их у родителей было четверо, три сына и дочь Таня. Все дети Сергеевы связали свою судьбу с комбинатом: Юра на слябинге, Витя в сортопрокатном, Саша был водителем у главного инженера ММК Яковлева, но ушел «в лучший мир» раньше времени, в сорок лет. Таня тоже в свое время закончила МГМИ. Алена, жена Вити, рассталась с цемзаводом, переучилась в специалисты молочного дела и теперь отвечает за качество продукции нового молокозавода металлургов. То есть все — металлурги.

Тут самое время поговорить о силе семьи. Одни не терпят многолюдства и разбегаются, разводятся друг с другом. Другие, как семейство Сергеевых, хранят каким-то Божьим промыслом. В каждый праздник они всеми семьями — в МОСе. Я тоже была не раз их гостьей, любовалась мамой Сергеевых — бабой Таей, которая винтом вилась вокруг своих дорогих детей.

— Ну, давайте, рассказывайте, как вы тут кризис '91 года пережили? — спрашиваю я Виктора и Алену.

— А мы не заметили кризиса. У нас же все свое в отцовском доме: и мясо, и молоко, и яйца, и картошка — мы же крестьяне, хоть и металлурги. Вот и Верхнеуральское море под боком, рыбу сами ловим, и соли, и сушим...

— Вот продавать я уже никогда не научусь, — сокрушается Виктор.

— Своя планета у вас, — радуюсь я за своих друзей.

Очень уж легко можно порушить мир человека. Может быть, зная это, металлурги, мудрые по своей профессии, защищают себя заранее садами и огородами, отцовскими домами, бригадным сотрудничеством. Зная о жизни все, что позволяют знать Высшие силы, на фоне тяжести своей службы людям — характеры металлургов легче, чище, невесомее многих утонченных и капризных деспотов. Металлурги судят о вещах четко, нет в рассуждениях Виктора ни демагогии, ни казуистики, которыми мы (не металлурги) заморочили себя.

В начале 1997 года Виктору Сергееву исполняется 50 лет. Наверное, вторая бригада стана «500» по-семейному отметит этот праздник. И наша редакция поздравляет металлурга Виктора Сергеева с первым и очень молодым юбилеем.

Мы вступили в новый, 1997 год — год 65-летия ММК. К этой дате наш давний автор, бывший горняк, общественный редактор газеты в газете «Ветеран», член Союза журналистов России Михаил Егорович Горшков готовит книгу «Притяжение горы». Тираж ее невелик, и не каждый сможет приобрести ее. Потому начинаем сегодня публикации из этой книги. Их герои не выдуманы, истории правдивы и узнаваемы. Сегодня на газетной полосе — первый из серии рассказов.

Михаил ГОРШКОВ

О том, как поссорился Михаил Иванович с Иваном Федоровичем

Было это в самом начале шестидесятых. Морозное осеннее утро. Тихо. Первая и вторая агломерационные фабрики густо дымят, посылая в ясное небо столбы сизого, едучего дыма. Вторая аглофабрика вошла в строй действующих десятью годами позже первой. Но от этого ее историческая значимость ничуть не ниже — ведь на ее агломашинах впервые в стране было освоено производство офлюсованного агломерата. Теперь цех ведет подготовку к пуску первых агломашин третьей фабрики.

Сегодня с восьми утра здесь на трудовую вахту вступила бригада начальника смены Михаила Ивановича Медведева. Ему двадцать пять. Техник-доменщик по специальности, он учится на вечернем отделении горно-металлургического института. Фигуры не броской, характером — не размазня. Энергичен, отлично разбирается в технологии. Не чистой: ради дела лезет в самое пекло — туда, где жарко, дымно, пыли невпроворот.

У каждого специалиста, помимо обязательных предписаний администрации, со временем вырабатывается свой стиль работы. У Медведева ежедневно пара часов тратится на обход рабочих мест. И в этот день он не отступил от правил. Где-то около десяти по громкоговорящей связи объявили: «Внимание, внимание! Медведеву — немедленно в диспетчерскую!»

Программаых огромными кирзачами по звонкому металлическому полу — он почему-то носил сапоги на несколько размеров больше, — Медведев ворвался в диспетчерскую и... оторопел. По периметру просторного помещения на широких скамьях расположилось руководство: директор комбината Борисов, начальник горного управления Котов, начальник аглоцеха Урюпин и другие. За диспетчерским столом сидел министр черной металлургии Иван Федорович Тевосян. На магнитке министр был частенько. Доводилось Медведеву видеть его и на аглофабриках.

— Один из лучших начальников смен Михаил Иванович Медведев, — представил вошедшего начальник цеха.

То, что Тевосян имел привычку экзаменовывать людей прямо на рабочих местах, Медведев знал. Но он не предполагал, что такое случится с ним при столь именитой свите. «Приглашает меня Иван Федорович к контрольно-измерительным приборам в диспетчерской и начинает спрашивать о взаимосвязях кривых двух приборов, — вспоминал потом Медведев. — Речь шла о разряжении под колосниковой решеткой, высоте слоя и изменении содержания углерода в шихте. Я дал обстоятельный и четкий ответ. А собеседник парирует: все не так. Меня даже зло взяло. Так, и не иначе. — говорю министру. По выражению лица вижу, что тот тоже начал злиться. Потом и ругаться принялся: «Тебе надо работать железнодорожником, где грехти можно свалить на стрелочника». Причем здесь стрелочник? В диспетчерской было тихо, лишь директор комбината Борисов улыбается. Наконец, гости ушли.

На другой день звонок за звонком: работай, мол, спокойно, авось пронесет. А я думаю: ну почему мы боимся сказать, пусть даже министру, правду, если он не прав? Не потому ли с нашего молчаливого согласия некоторые высокопоставленные личности считают себя непогрешимыми?»

Более сорока лет прошло с того памятного дня, когда поссорились Михаил Иванович с Иваном Федоровичем. Долго потом коллеги по работе с юмором, замешанным на иронии, напоминали Медведеву об этом случае. Горячий и неравнодушный, он, бывало, начнет с кем-то спорить, а его оппоненту обязательно кто-нибудь да скажет: «Бесплезное это дело. Михаил Иванович самого министра в споре победил, а уж тебя запросто заткнет за пояс». Медведев не обижался на остроты слов.

Как-то по цеху проходил начальник горнообогатительного производства Василий

Никитович Котов. Увидел Медведева, подаёт руку, а сам улыбается:

— Привет тебе из Москвы.

— От кого же?

— От Тевосяна. Был у него на приеме. Иван Федорович на прощанье спросил: «Работает ли в аглоцехе тот ершистый паренек с которым я спорил?» Не только работает, говорю, но и успешно по службе продвигается — недавно старшим мастером стал. Так что Михаил Иванович, держись, за тобой сам министр наблюдает.

Люди, что звезды: одна едва-едва мерцает, другая горит ослепительным блеском, третья спокойно несет на землю свой ровный свет... Звезда Михаила Ивановича Медведева взшла более семидесяти лет назад. Знаю его лет эдак сорок. Нет, не просматривается в его жизни особо крутых взлетов и глубоких падений. Все его пятьдесят трудовых лет выпянулись один за другим в длинную, логически выстроенную цепочку. Вот только однажды цепочка эта оборвалась...

Карталы — станция узловая. Люди здесь — сплошь железнодорожники. Неподдалеку небольшой колхоз со звучным названием «Пламя пятилетки». Жили здесь Медведевы — братья Михаил и Петр с матерью. Все было ладно. Летом всей семьей работали в колхозе, осенью сыновья садились за парты в Карталинской средней школе. Учился Михаил старательно, без троек. Была у него одна мечта — стать машинистом паровоза. А дальше, кто знает, может, и начальником станции. Но мальчишеские мечты затмили черные тучи войны. Брата Петра призвали на фронт. А выжженным январем сорок второго пятнадцатилетний Михаил тоже прошарся с матерью: уезжал по повестке в Магнитку в школу ФЗО. Не успел уехать, как следом полетело горестное письмо матери с известием о гибели брата.

В ФЗО N 28 Михаилу Медведеву без обиняков объявили: будешь плотником. Учеба была скоротечной, все больше практики, а попросту — работы. Школа в то время располагалась в районе теперешнего штамповочного завода. Жили фезушники в землянке на самом берегу Урала. На работу ходили пешком. Кормили, надо сказать, достаточно сносно. Словом, деревенскому пареньку, с раннего детства приученному к труду, жизнь казалась вполне терпимой. Если бы не тоска. Дни и ночи давит на сердце, все помыслы о матушке родимой, о деревне, о березовых перелесках. Долго во снах ловил он на утренней зорьке быстрых, как молния, пескарей, бродил по лугам да полям...

Окончив школу ФЗО, Медведев стал работать на строительстве коксовых батарей. Делали опалубку, сооружали эстакады для бетонщиков. Имелось восьмиклассное образование, парнишка без труда научился читать чертежи строительных конструкций и сооружений. И хоть не выдался Михаил ни богатой фигурой, ни ростом, великим своим старанием уже на первом году самостоятельной работы выбился в бригадиры.

В сорок третьем его бригада работала на сооружении новой доменной печи. Высота — дух захватывает, небо — вот оно, рядом, внизу, словно муравьи, копошатся люди, ползут по рельсам-ручейкам черные чугуновозные ковши с малиновым верхом. И заболел тут молодой бригадир новой мечтой — стать доменщиком. Мочи нет, как захотелось парню быть ближе к огню, где рождается и клочет металл возмездия...

(Окончание главы следует).